

помогал в науке и жизни, за что я ему всегда благодарен, Правда, были у нас научные споры с размолвкой на полгода по расхождению в географических пониманиях, но это со временем уладилось. Я никогда не пользовался именем своего отца. Мне иногда было неприятно, когда, например, Саша Сорокин, произнося тост на 75-летию Владимира Евгеньевича Флинта, сказал: «Предоставляем тост Володе, сыну знаменитого Александра Петровича Кузякина». На что Флинт его сразу поправил: «Владимир Александрович — это самостоятельная научная единица». В то же 75-летие Флинта в Союзе охраны птиц России он сказал В. Г. Кривенко: «Не надо сравнивать Володю с его отцом, Володя будет посильнее своего отца». Я не знаю, как реагировать на эти высказывания В. Е. Флинта. По моему, какая разница, что у отца было 150 публикаций, у меня — 250? Ну и что? Никакого значения это не имеет. Важно то, что именно содержится в этих публикациях. Мы жили в разное время, в разных условиях, во многом — разных направлениях науки. Он — больше в зоологической систематике, я — больше — в охотничьем ресурсоведении. Так что сравнивать меня с отцом бессмысленно.

А я всегда помню своего отца, благодарю его за то, что он дал мне глубокую научную школу, школу полевых работ, школу русского языка. Ценю, что он был настоящим учёным, всегда отстаивал свои взгляды и понятия, невзирая на ущерб своему благополучию, что он сделал очень много для зоологической науки. Как однажды сказал Ю. С. Равкин, Александр Петрович создал в зоогеографии целую новую систему научных ценностей. Я согласен с Юрой. Благодарен, что он воспитал много учеников не только в смысле научной школы, но и в отношении человеческой порядочности. А кто там выше или ниже — дело десятое.

Из письма к П. А. Пантелееву 13 мая 1992 года

С. С. Фолитарек

Я знал Шуру с момента его появления весной 1930 г. в Московском зоопарке, когда он договорился с Дядей Петей (так мы все звали Петра Александровича Мантейфеля) о возможности здесь работать. На вопрос, а где будешь жить? — сказал, что ночевать он может, например, здесь в кабинете Петра Александровича на стульях. Шуру тогда поселили на чердаке над клеткой белого медведя, а работать он стал помощником препаратора. Здесь и закрепились его любовь к природе и коллекциям, мастерское умение набивать тушки зверей и птиц, и многое другое. Приезд Шуры в Москву и всю его дальнейшую жизнь и деятельность я всегда сравнивал с легендарной историей М. Ломоносова. «Да, были люди в наше время» — теперь вряд ли кто согласится ночевать на стульях.

Александра Петровича Кузякина мне Бог послал

П. А. Пантелеев

Об Александре Петровиче Кузякине воспоминаний написано немало. Кажется всё рассказано в специальных мемуарных книгах: «Московские

орнитологи, 1999» и «Московские териологи, 2001». В статье одной из них я был даже в соавторах. В моей мемуарной книге «Я — зоолог, моя семья и эпоха, 2012» Александру Петровичу посвящены тексты с фотографиями, а под его портретом подпись: «Александр Петрович Кузякин открыл перспективу моего профессионального пути». Упоминается он и в книге «Дорогами победы! Биологи МГУ имени М. В. Ломоносова — фронтовики и труженики тыла Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. — Изд. МГУ, 2015». Многогранная деятельность Александра Петровича как учёного-фундаменталиста и как учёного-прикладника, а также выдающегося педагога и зоолога-коллекционера освещены в литературе. Чтобы не повторять сказанное, я остановлюсь только на одной теоретической (фундаментальной) и одной прикладной работе. Это теория видообразования и дератизация крыс-пасюков в Москве.

Александр Петрович считал своей главной научной заслугой — вклад в теорию видообразования: скачкообразное превращение одного вида из другого на примере летучих мышей. Было несколько его выступлений с изложением этой теории на зоологических совещаниях с публикацией тезисов. Полностью его теория опубликована дважды: «Труды Института зоологии и паразитологии АН Узбекской ССР, 1956» и «Учёные записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской, 1958». Чтобы убедиться в том, что формы, получившие название близкие виды, являются не просто морфологическими абберациями, а действительно разными биологическими видами, есть только один способ доказательства — с помощью современных генетических методов. К сожалению, в период разработки А. П. Кузякиным теории видообразования, у нас в стране генетика была в полном загоне, в связи с процветанием лысенковщины. Не искущённому в генетике человеку трудно было отмежеваться от постулатов Президента двух академий наук, что пшеница произошла из ржи, а кукушка от пеночки. В самом деле, ведь мутации не отрицались биологической наукой.

В годы войны чисто прикладная деятельность по истреблению крыс в Москве оказалась весьма эффективной с позиции фундаментальной теории, и завершилась замечательным открытием. Как вдумчивый зоолог, Александр Петрович не просто руководил дератизационными работами. За период 1944-1946 гг. произведены выборки по определению пола у 95 000 пасюков и по генеративному состоянию почти у 53 000 самок. Обработанные данные по «Журналам вскрытий крыс» позволили определить проценты беременных самок, изменения среднего количества эмбрионов по месяцам за три года. В сопоставлении с материалами наблюдательных станций Минздрава СССР по численности крыс за 1942-1946 гг. в Москве, было установлено, что «интенсивность размножения грызунов имеет прямую связь с изменением и состоянием их численности в данный момент». В скрытой форме (другими словами), это означает по современной терминологии внутрипопуляционную регуляцию численности вида.

Этим выводом нанесён первый удар по длительно господствовавшей

теории Мальтуса о геометрическом размножении биологического вида в условиях отсутствия внешних сдерживающих факторов. Публикация этих материалов с основательными фактическими данными (11 таблиц и 3 графических рисунка) осуществлена под скромным названием «О размножении пасюков в городах» в журнале «Бюлл. МОИП, отд. биол., т. 57, вып. 3, 1952». Похоже, что Александр Петрович сам не оценил своего открытия о несостоятельности мальтусовской теории, которая несла большой вред биологической науке, особенно в экологической области динамики популяций. Впрочем, возможно он сознательно обошел скользкую тему, ибо в то время это был бы выпад против данной Партией всепоглощающей философской «установки», что всякое развитие (борьба) происходит под воздействием внешних, но отнюдь не внутренних факторов. Страна находится под прессом (вражеских) внешних факторов. А внутренние факторы сохраняют страну в покое. Борьба возможна только между странами (межвидовая), внутри страны мир и покой (внутривидовая исключена). Я думаю, что в основе всех идей «народного академика» Т. Д. Лысенко, а также его сподвижников, включая наиболее известных Г. М. Бошьяна и О. Б. Лепешинскую, лежало внедрение в практику именно этой партийной «установки». Иначе, с высоты нынешнего времени не хочется думать, что все так называемые лысенковцы, включая и самого лидера, были полные дурни от науки, не желающие белое называть белым, а чёрное видеть чёрным. Полагаю, что ради личного благополучия и прорыва по иерархии вверх, или в заблуждении под влиянием общего «установочного фона», многие учёные подстраивались под философскую партийную линию, а вузовские преподаватели через микроскопы упорно видели «грязь», смотря на хромосомы. Мы привыкли весь вред, нанесённый биологии в тот период, относить в первую очередь на Т. Д. Лысенко. Задумавшись, а мог ли один человек перевернуть такую свободную отрасль человеческой деятельности, как наука, если за ним нет великого открытия, и если сам он не политический тиран. Поскольку Т. Д. Лысенко к первой позиции отнести никак невозможно, остаётся второе положение. И если устраивать «великой партии» покаяние типа Нюрнбергского процесса, одним из обвинительных эпизодов должен быть отброс на 20 лет назад биологической науки.

Идея возможной авторегуляции популяционной численности в конце 1940-х годов назревала в умах экологически мыслящих зоологов. Александр Петрович впервые представил фактические данные по теме на Второй Всесоюзной экологической конференции в 1950 г. в Киеве. С докладами по этой проблеме выступили также Н. И. Калабухов и А. Н. Формозов. Особенно ценным для видения проблемы с физиологической стороны было сообщение ленинградского физиолога И. Д. Стрельникова. На Конференции разразилась бурная дискуссия с ругательствами и обзываниями в принадлежности к буржуазной науке, с крикливыми выпадами наклеивания ярлыков. Я попал на конференцию по случаю, будучи ещё первокурсником МГУ. Не понимая сущности дискуссионного скандала между сторонниками межвидовой и внутривидовой борьбы, я был поражен накалом выступавших. В конечном итоге Конференция приняла резолюцию,

налагающую табу на всякое изучение экологических факторов эндогенного характера. Так в нашей стране важнейшая теория в экологии животных была убита на корню в самом начале своего развития.

За рубежом началом развития теории эндогенной динамики численности, видимо, надо считать 1960 г., когда вышла статья английского зоолога Д. Читти: «D. Chitty. Population processes in the vole and their relevance to general theory //Canad. J. Zool., 1960, 38, N 1». Она открыла целую лавину журнальных публикаций по развитию теории в разных странах. Среди наиболее часто встречающихся авторов назову Д. Христиана (J. J. Christian) и Д. Девиса (D. E. Devis). Соединённая с теорией стресса Ганса Селье, эндогенная теория динамики численности популяций пришла к нам в страну, завоевав большую популярность среди специалистов. Жаль, что имеем — не храним, потерявши — плачем.

Для характеристики чисто человеческих качеств Александра Петровича Кузякина, я задумался о форме изложения моих воспоминаний. Отношения с ним длились с той поры, как я был восьмиклассником и до его берёзки на Щербинском кладбище Москвы. Как назвать эти отношения, если Александр Петрович был для меня как отец родной. Бывало мы годами не общались, живя по разным городам. Но так бывает и в настоящих семьях. Мне представилось, что если я буду писать всё последовательно, то это будет переплетение двух биографий. Но ведь у меня задача представить материалы только для одной биографии. Свою жизнь со всеми предками и потомками я уже изложил в семейной саге «Я — зоолог ...». Поразмыслив, я выбрал форму изложения воспоминаний о дорогом человеке в виде эпизодов.

Эпизод № 1. 1948 год. Александр Петрович после подготовки докторской диссертации приехал отдохнуть к сестре в мой родной город Тобольск. С ним две студентки и аспирантка Надежда Николаевна Скокова. Конечно, Александр Петрович не мог не посетить краеведческий музей, где работал и жил известный природовед Михаил Петрович Тарунин. Я был завсегдатаем музея как председатель юннатского кружка, организованного Таруниным, а Михаила Петровича чтит больше отца родного. К тому времени я вёл фенологические наблюдения с 1942 года, и мой дневник «Лесная газета» был насыщен преимущественно наблюдениями за птицами и рисунками. Александр Петрович вполне оценил мою любовь к природе, к птицам, рассказывал, где и как учат стать орнитологами. Вернувшись в Москву, прислал мне «Определитель птиц» с наставлением, чтоб продолжал птиц любить и не бросал ими заниматься. С той поры А. П. Кузякин взял меня под свою эгиду.

Эпизод № 2. В Тобольске в один из дней Александр Петрович с тремя своими девицами решили совершить экскурсию на другой берег Иртыша. У всех рюкзаки, а у Кузякина ещё и ружьё. К вечеру порядочно устали, да ещё и вымокли снизу при переходах бродов. Стемнело. Решили переночевать в ближайшей деревенской бане. Спали на полках, как убитые.

А к утру в баню врываются мужики то ли с палками-вилами, то ли с ружьями. Арестовывают наших экскурсантов (очень они подозрительны) и ведут в сельсовет. В доме власти всё выяснилось. Мужиков поблагодарили за бдительность, а экскурсантов отпустили.

Эпизод № 3. 1950 г. Я приехал в Москву с намерением поступать в Пушно-меховой институт, имевший, по рассказам Александра Петровича, хорошую известность по подготовке биологических специалистов, в том числе и орнитологов. В Университет, на чём настаивал Александр Петрович, решил не рисковать: провалюсь — назад в Тобольск, а там меня ждёт военкомат. Прямо с вокзала еду к Кузякиным в Останкино. Одиноким деревянный домик в центре огороженной площади, в котором жила семья Александра Петровича, оказался под замком. В замке была хорошо свернутая бумага — для меня письмо. Сообщается, что мой наставник уехал со всей семьёй в Камышин для работы на лесополосе. Но я не забыт. Мне надлежит перейти через дорогу, там биостанция МГУ, и у профессора Ларионова для меня есть пакет.

На биостанции меня уже ждали. Это была таксидермическая мастерская. Вячеслав Федорович Ларионов был необычайно приветлив, сказал, что здесь на базе я могу ночевать, и вообще, если будет необходимость, жить сколько угодно. Какие люди! Как принимают парнишу! Пакет от Александра Петровича был посвящён обстоятельной агитации моего поступления не в «Балашиху», а в Университет. В случае провала, для жилья будет эта биобазы. Подав документы на биолого-почвенный факультет МГУ, я получил ордер на университетское общежитие в «Стромынку».

После сдачи вступительных экзаменов я не набрал 24-х мужских очков, меня нет в списке принятых. Биология в ту пору была не в моде, парней поступало много меньше, чем девушек, и для них один вступительный балл был скошен. А у меня две «четверки» — немецкий язык и химия. Иду получать назад вступительные документы. О!...Великая Радость! Зачислен сверх списка. Мне возвращается мой фенологический дневник «Лесная газета», и к недостающему баллу, говорят, есть в деле характеристика от А. П. Кузякина. Одновременно со мной принят, тоже недобравший, Лео Степанян из Ессентуков. За него похлопотал кто-то из профессоров Зоомузея. Так и остались наши спальные кровати рядышком в «Стромынграде».

Эпизод № 4. Став первокурсником, иногда я ездил в Останкино поглядеть со своими благодетелями. В. Ф. Ларионов создавал специальную ландшафтную учебную коллекцию птичьих тушек для географического факультета МГУ. Постоянно подчёркивал, что очень недостаёт малого лебедя (*Cygnus bewickii*), обитающего только в тундре, откуда трудно получить материал. Александр Петрович решил, а почему бы мне не совершить летом необходимую поездку в тундру. Этому способствует высокая цена на птичьи тушки, в особенности из редких дальних мест. Началась моя подготовка к экспедиции при постоянном руководстве Александра Петровича. Каждое воскресенье мы ехали до платформы «43 км» Ярославской

ж. д. Там мой шеф подстреливал 2-3 птицы: синиц, иногда поползня, дятла. Возвратившись в останкинский домик, после обеда и отдыха мы обрабатывали добычу. У Александра Петровича получались отличные тушки, у меня — вполне корявые. В работе и беседе время проходило быстро, неоднократно я спохватывался успеть бы на последний трамвай.

Экспедиция моя была намечена на полуостров Ямал, в район реки Щучьей, где ряд лет назад работали университетские зоологи В. В. Кучерук, Т. Н. Дунаева и В. И. Осмоловская. Я проштудировал их публикации с результатами экспедиции, а на одном из МОИПовских четвергов решил поспросить самого В. В. Кучерука о тех местах, куда мне предстояло добираться. Кучерук сразу спросил с кем я еду. На ответ: «Один, — сказал, — это невозможно», и я перестал его интересовать. Одному и в самом деле нельзя: где-то рюкзак надо поохранять, поискать лодку, катер, оказию ... Но я не сознался, что со мной будет девица. В Котласе ко мне в поезд присоединилась студентка Свердловского университета, моя тобольская подруга.

Эпизод № 5. Из экспедиционного вояжа я привёз для В. Ф. Ларионова засоленные шкурки двух лебедей, тундровых куликов и других птиц (виды не помню). Оплата окупил все расходы, да ещё купил фотоаппарат «Киев» и хватило на бостоновый костюм. Спутница моя представила у себя курсовую работу по материалам красной полёвки. Александр Петрович потребовал быстро обработать материал по проведённым учётам птиц, для подготовки доклада на Зоологической секции МОИП. В один из зимних четвергов моё сообщение состоялось совместно с докладом Дмитрия Ивановича Бибикова о сурках. Александр Петрович передал мне, что А. Н. Формозову мой доклад понравился больше, чем бибиковский. Теперь ко мне сам подошел В. В. Кучерук с расспросами, а в заключении предложил в предстоящее лето принять участие в его экспедиции на нижнюю Волгу для исследовательских работ в туляремийном очаге. Я посоветовался с моим наставником. Он отнёсся положительно, отметив, что в результате может быть собран материал на курсовую работу. (Получилось даже и на дипломную).

Для завершения обсуждаемой темы укажу, что по представлению Александра Петровича, я был избран членом Московского общества испытателей природы. Членский билет № 1464 за подписью В. Н. Сукачёва. По учётам ямальских птиц вышли две идентичных публикации: 1) Учёные записки МОПИ, т. 65, вып. 3, 1958 и 2) Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея, вып. 1, 1959.

Эпизод № 6. После третьего семестра второго курса физически здоровых парней неожиданно волонтеристски переводят на химический факультет для обучения по секретной тематике. Еду к Александру Петровичу в полном шоке. Будем бороться, заявил он. После того, как набралось до десятка характеристик, аргументирующих целесообразность возвращения раба божьего в зоологическую альма-матер, были разосланы письма с копиями характеристик ректору МГУ акад. И. Г. Петровскому, президенту АН

СССР акад. А. Н. Несмеянову и в ЦК КПСС. Всё дирижировал мой дорогой наставник. Через месяц возвращение состоялось по указанию ректору МГУ из ЦК.

Эпизод № 7. После окончания Университета менее чем через полгода я оказался волею судьбы нелегальным свободным волонтером в МГУ. На этот раз на географическом факультете. На кафедре биогеографии работал Вячеслав Федорович Ларионов, завкафедрой Анатолий Георгиевич Воронов, другие сотрудники — Н. В. Тупикова, А. М. Чельцов-Бебутов и т. д. — все меня знали и хорошо ко мне относились. Судьба и здесь свела с Александром Петровичем. Как приглашённый почасовик, он читал студентам курс зоологии. Нередко заранее давал мне для подготовки какую-нибудь систематическую группу животных, которую затем я сам читал студентам.

Эпизод № 8. В качестве младшего научного сотрудника новосибирского Биологического института СО АН СССР работаю в составе Барабинской экспедиции по борьбе с водяной полёвкой на массовом размножении этого вредителя. Каждое лето в состав экспедиции приезжает из Москвы А. П. Кузякин (кстати, вместе со всей семьей и полдюжиной своих студентов). Начальник экспедиции С. С. Фолитарек назначает Кузякина начальником авиаотряда. Я числюсь его заместителем. Работаем вместе как коллеги, постоянно общаемся, можно сказать, дружески. Я не чувствую ни малейших начальственных, командных ко мне отношений.

Эпизод № 9. Мною подготовлена рукопись кандидатской диссертации на тему «Экология водяной полёвки в Волго-Ахтубинской пойме и в Барабинской лесостепи». В отличие от европейских и американских правил, у нас на диссертации должен значиться на титуле научный руководитель (или руководители). Ставлю на титул своего толмуда В. В. Кучерука, как Волго-Ахтубинского шефа, и А. П. Кузякина, как Барабинского шефа. Но, ни тот, ни другой рукописи не видел. Из Новосибирска везу свой толмуд в Москву на благословление диссертационных руководителей. В. В. Кучерук продержал рукопись два дня, и по возвращении сказал только одно замечание — снять его фамилию с титула. Я в замешательстве. «Но почему? — отвечает, — Не хочу быть вместе с Кузякиным». А я и не знал о нетерпимости их взаимоотношений. Передаю рукопись Александру Петровичу, сообщаю решение В. В. Кучерука. Также через два дня возвращает рукопись со своим решением: 1) Диссертация в объеме докторской, надо только добавить теоретическую, хотя бы и водянистую главу, 2) Эту рукопись существенно сократить, нельзя в кандидатскую отдавать столь богатейший материал, 3) С титула снять надо только мою (А. П.) фамилию. Кучерука обязательно оставить, он человек не простой, чтоб в будущем тебе не напакостил (как в воду глядел!!!).

Переделав, с полным сокращением текста, кандидатскую я защитил в Новосибирске в 1964 г., а подработав материалы, по совету моего ГУРУ, докторскую — в начале 1969 г.

Эпизод № 10. В связи с тем, что по велению жизни мне пришлось основную ориентацию сменить с орнитологии на териологию, Александр Петрович, когда я к нему приходил, бывало встречал меня фразой: «А, перебезчик пришёл». Но это было сказано добродушно. Мне хотелось хотя бы частично от этого ярлыка избавиться. Когда представлялся случай, я работал по птицам. Так, даже в Волго-Ахтубе, где всё было посвящено водяной крысе, я собрал материал и опубликовал статью «Значение серой вороны в Волго-Ахтубинской пойме // Сб. Орнитология, вып. 7. — Изд-во МГУ, 1965». Будучи директором Тобольского краеведческого музея, нашёл деньги для экспедиции на реку Конду с charterным У-2. Проведённые там учёты птиц опубликованы: «Материалы к количественной характеристике авифауны южной тайги Зауралья // Сб. Орнитология, вып. 10. — Изд. МГУ, 1972».

В период работы в Новосибирске была териологическая экспедиция в Нарымский край Томской области. Между «териологическими» делами удалось провести учёты птиц, опубликованные в статье «О птичьем населении долины Оби и прилежащих ландшафтов в Нарымском крае // Сб. Орнитология, вып. 10. — Изд-во МГУ, 1972».

Эти работы не канули в вечность. Данные учёты использованы в капитальных зоогеографических трудах учеником Александра Петровича Ю. С. Равкиным, который усовершенствовал методы учёта птиц нашего общего учителя и продвинул дальше идеи Александра Петровича до создания нового направления — факторной зоогеографии.

Наконец, уже после того как Александра Петровича не стало, я выполнил ещё по его методике учёты: 1) «Состав, динамика, фенология птиц Боровского района, 2009», 2) «Птицы юго-западных окраин Подмоскovie // Брошюра «Тр. Программы «Птицы Москвы и Подмоскovie», т. 6. — Изд. Зоомузея МГУ, 2010».

Эпизод № 11. Наш старший сын Александр сдаёт вступительные экзамены на биофак МГУ и не набирает проходного балла. С теми же баллами без дополнительных экзаменов, с подачи Александра Петровича его зачисляют в МОПИ им. Н. К. Крупской.

Саша в пединституте становится отличником. После первого курса в летние каникулы по заданию Александра Петровича едет в экспедицию в Туву. Александр Петрович понимает разницу дипломов Университетского и Пединститутского. На втором курсе способствует переводу Саши на биофак МГУ. Саша становится студентом кафедры высшей нервной деятельности (зав. проф. Л. Г. Воронин). После окончания МГУ зачисляется в лабораторию клеточной нейрохирургии Института химфизики, где директор акад. Н. Н. Семёнов. Вначале работать было интересно. Но через год понял, что карьера учёного не несёт соответствующей материальной отдачи. Уволился и ушёл администратором в музыкальный ансамбль. «Но это уже совсем другая история».

Переехав из Новосибирска в Москву, с Кузякиными мы дружили се-

мьями, отмечая вместе какие-либо события, праздники.

Я не знаю, кем бы я был, если бы на моем пути жизни не встретился столь замечательный бескорыстный Человек и учёный. Царство тебе небесное дорогой и любимый Александр Петрович. В памяти всей моей семьи ты останешься до конца наших дней.

Мой коллега — Александр Петрович Кузякин

Н. П. Матвеев

Александр Петрович Кузякин был любимым преподавателем студентов. Его лекции всегда были интересны, отличались широтой взглядов, глубоким освещением проблемы. При освещении того или иного вопроса он излагал взгляды и идеи различных учёных и, как правило, свое понимание и отношение к проблеме. Александр Петрович был прекрасным лектором, мог заинтересовать, увлечь аудиторию, показать важность проблемы. Им было написано учебное пособие «Зоогеография СССР» 1962 г., по которому прошли подготовку многие студенты биологического и географических факультетов.

Большое внимание Александр Петрович уделял научной подготовке студентов. Под его руководством студенты выступали с докладами на научных конференциях. Доклады публиковались в изданиях института. Студенты реально ощущали важность проблемы и результаты своих исследований.

Александр Петрович всегда был окружен учениками, которые разрабатывали его идеи. Им были подготовлены 77 кандидатов наук, из которых 40 кандидатов из социалистических стран. Много времени он уделял полевым исследованиям. Александр Петрович был учёным — натуралистом. Он считал, что без полевых исследований не может быть полноценной научной работы. Его все ученики были натуралистами.

Александр Петрович каждый год использовал для полевых исследований, которые он проводил на широкой географической основе. Он считал, зоогеографические исследования могут внести большой вклад в природное районирование территории СССР. Александр Петрович считал, что надо пропагандировать новые научные идеи, чтобы они прошли обсуждение в широкой научной аудитории.

Мне запомнился его доклад на ученом совете географо-биологического факультета о биологическом виде и видообразовании, в котором он изложил свою теорию видообразования. Александр Петрович решительно отстаивал свои взгляды и идеи.

Выпускники и коллеги биологического и географического факультетов с большой благодарностью вспоминают Александра Петровича.

О Профессоре Александре Петровиче Кузякине

Женг Гуанмей

Профессор и доктор А. П. Кузякин оказал важное влияние на развитие зоологического, экологического и зоогеографического направления в науке Китая. Он отдал всю свою жизнь делу науки. Его незаурядные